

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

ОТНОШЕНИЕ К ГОРОДУ И МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ НЕСТОЛИЧНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ ТАТАРСТАНА

Гузель Ильясовна Макарова (makarova_guzel@mail.ru)

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

Цитирование: Макарова Г.И. (2023) Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(2): 197–230.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>. EDN: QKSTHG

Аннотация. Раскрываются отношение жителей нестоличных промышленных городов Татарстана к своему городу, его жителям и проявляющиеся в этом контексте их устремления на то, чтобы остаться в городе или покинуть его. Метод количественного опроса выявил противоречие между относительно высокой степенью удовлетворенности населением своей жизнью в этих городах, их приверженностью локальной общности и готовностью ощутимой доли горожан поменять место жительства. Анализ перекрестных переменных обнаружил среднюю взаимосвязанность изучаемых явлений. Групповые проблемно ориентированные интервью в семьях помогли прояснить ситуацию. Они показали, что ориентация на отъезд может сочетаться с высокой оценкой позитивных изменений в городе и с отождествлением себя с городом и городским сообществом, а также позволили обозначить сложную совокупность факторов, влияющих на такой выбор, начиная от экономических (более высокая заработная плата и уровень благосостояния в целом), образовательных (наличие высших и средних профессиональных учебных заведений, способных предоставить качественное образование и спектр возможностей после их окончания), социокультурных (развитость системы здравоохранения, комфортность и безопасность городской среды, удовлетворение культурных потребностей и т.д.) стимулов и заканчивая возможностью самореализации. Исследование также выявило, что у части молодежи существуют стереотипные представления о преимуществах жизни в столичных мегаполисах. В связи с этим можно сделать предположение о том, что «удержание» в городе населения, особенно интеллектуальной и творческой молодежи, зависит, помимо прочего, от создания и развития в нем образовательного кластера среднего и высшего образования, реализации разного рода инновационных проектов и формирования команд высокопрофессиональных специалистов, а также от степени насыщения культурного пространства промышленных городов современными креативными событиями с вовлечением в них местных культурных производителей.

Ключевые слова: нестоличный промышленный город, отношение к городу, идентификация с жителями города, акторы городского развития, миграционные установки, Татарстан.

В книге «Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства» Ричард Флорида писал о многообразии факторов, влияющих на принятие людьми решения о том, где им жить и работать. Наша статья — о сложности и неоднозначности связи отношения к городу, восприятия его проблем и миграционных установок жителей нестоличных промышленных городов России на примере Республики Татарстан (РТ).

Актуализированная в 1990-е годы, когда в большинстве городов подобного типа производство встало, было приостановлено, либо сократились его объемы (что повлекло за собой множество социальных проблем), тема оттока из них жителей (прежде всего молодежи) не теряла значимости в последние десятилетия. Проблематика масштабных миграционных перемещений была характерна и для советского периода. Причем и тогда, и сейчас направления этих перемещений во многом определялись и определяются приоритетами центропериферийной политики. В одних случаях на первый план выходили стратегии социального расселения (период индустриализации 1920-х – 1930-х и в 1960–1980-е гг.) и пространственного освоения страны (Стратегия 2019). В других случаях продвигалась идея первостепенной важности поддержания наиболее мощных исторически сложившихся центральных городов России (1990-е — начало 2000-х). Сегодня в условиях масштабных экономических вызовов, когда важность функционирования отечественных производственных предприятий для развития экономики и безопасности страны стала беспрецедентно высокой, тема миграционных намерений жителей промышленных городов приобрела новое звучание.

Постановка проблемы

Выбор в качестве объекта исследования нестоличных промышленных городов требует прежде всего обозначения границ явления. Промышленные города выделяются среди остальных по типу преобладающей в них экономики, выстраивающейся преимущественно вокруг производства (Ушаков 2009; Манеева 2018). В свою очередь, под нестоличными городами вслед за рядом отечественных авторов (Трейвиш 2009: 293; Глазычев 2011: 259; Лексин 2009: 6; Зубаревич, Сафронов 2019: 39) мы будем понимать те, которые не являются административными центрами страны и регионов РФ.

Еще советские исследователи отмечали не только преимущества, но и противоречия в развитии так называемых новых индустриальных городов, в отличие от сложившихся ранее крупнейших центров. Среди этих противоречий назывались прежде всего ограниченность сфер деятельности, отставание социально-бытового и культурного сектора от производственного (Куцев 1982). В 1990–2000-е годы города такого типа, особенно те из них, что выстраивались/выстраиваются преимущественно вокруг одного градообразующего предприятия, так называемые моногорода, испытали серьезные экономические и социальные трудности и стали объектом особого внимания со стороны государства и ученых. Тема отношения к ним населения стала раскрываться в русле проблематики качества жизни, когда респондентов просили оценить развитие города по ряду параметров (Гужавина 2019; Ильченко 2010). Появились и работы, в которых выделяются отдельные аспекты данной темы, например рассматривается влияние на привлекательность промышленных городов для населения, выстраиваемого в них социально-трудового взаимодействия градообразующего предприятия со своими работниками и его вклада в развитие трудового потенциала города, в том числе путем организации системы дополнительного образования и переквалификации кадров (Угольников 2018; Огий 2003), решенности экологических проблем (Балынская, Зиновьева, Лимарева 2017), сформированности социокультурной жизни (Столбов, Литова 2009), развитости городских пространств (Захарова 2018) и культурных практик горожан.

Отдельно разрабатывается проблематика городской идентичности, часто сосредоточенной в таких городах вокруг ведущего предприятия («локально-заводская» идентичность /Витковская, Назукина 2018/) и — шире — индустриальной специализации поселения (Шипицына и др. 2021). Выдвигаются и новые смыслы, связанные с историей, формируемыми в них культурными традициями и практиками, знаковыми местами (Давыдов 2015; Антропологический форум 2010). Ряд исследователей пишет о роли отдельных акторов в развитии нестоличных промышленных городов (что также сказывается на отношении к ним горожан) — ведущих предприятий (Плотникова, Маркова 2019; Зимина, Нефедьева, Попова 2020; Малый, Гусев 2020; Дубинкин 2014), муниципальных властей (Заборова 2021), образовательных и научных учреждений (Балюшина 2019; Зайцева, Азоркин, Алексейчук 2021), общественных организаций (Рослякова 2018), а также о необходимости консолидации их усилий (Замятина, Пилясов 2015), в том числе с целью формирования городской общности (Евстифеев 2020).

Наконец, российские ученые обращаются к исследованию миграционных стратегий жителей нестоличных промышленных городов, концентрируя внимание собственно на анализе причин и направлений миграционных потоков (Мкртчян, Флоринская 2020; Калимуллина, Беляев 2017). Эти традиции также были заложены классиками отечественной социологической науки. В 1960–1990-е годы они исследовали заселение вновь осваиваемых (в первую очередь в связи с приближением производства к местонахождению ресурсов) территорий России (в частности, Сибири и Дальнего Востока) и одновременно отток из них, а также из сел в города (Рыбаковский 2018). Ими была обоснована система измерителей миграции (В.И. Переведенцев) и выделены показатели приживаемости новоселов (Ж.А. Зайончковская). Они также разработали теорию трех стадий миграционного процесса (Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский) — формирования готовности к перемещению (мобильности), собственно самой миграции и последующей адаптации. Отметим, что в контексте данной теории речь в статье пойдет о миграционных намерениях горожан как возможном первоначальном этапе становления их «психологической готовности к перемещению» (Рыбаковский 2018: 90).

В настоящий период, когда ставятся задачи формирования на территории страны множественных опорных точек роста, внимание исследователей все чаще концентрируется на проблемах постепенного «вымывания» из нестоличных поселений промышленного типа слоя квалифицированных специалистов, в первую очередь из числа молодежи (Бабусова и др. 2016; Богданова, Кадырова 2015). Одновременно отмечается увеличение мигрантов из сельской местности и других регионов, а также из-за пределов России.

Специфика работы состоит в попытке проанализировать выделенные аспекты темы во взаимосвязи друг с другом, т.е. стремление горожан остаться в городе или покинуть его в контексте их отношения к различным сторонам своего проживания в нем.

Что касается изучения промышленных городов в странах Запада, отметим, что в последние годы работы, посвященные городским поселениям, сохраняющим свои преимущественно производственные функции в них, единичны (Felzensztein, Gimmonb, Deans 2018; Quark 2007; Wagner, Obermiller 2011). Чаще внимание исследователей сконцентрировано на происходящих в подобных городах процессах (в том числе демографических), связанных с деиндустриализацией. При этом выделяются позитивные практики ее реализации (Toura 2019) и возникающие в ходе ее осуществления сложности, в частности связанные с ростом безработицы

(Clark 2020), преступности (Fraser, Clark 2021) и миграции населения, с постепенным разрушением их инфраструктуры (Silver 2019), несоответствием индустриального образа современной реальности (Hodson 2019). Отсюда отдельные исследователи делают вывод-предположение о том, что сокращение численности населения в таких городах нередко связано не с тем, что они являются промышленными, а с неудачным осуществлением в них постиндустриальных преобразований (Bole, Kozina, Tiran 2020: 24). Выделяются и имеющие место в Центральной и Восточной Европе примеры реиндустриализации, т.е. нового роста промышленных городов и улучшения их социально-экономических показателей (Bole, Kozina, Tiran 2020: 24). Тем самым, сохранение преимущественно промышленных функций поселений не обязательно влечет за собой, по мнению ряда авторов, более низкий уровень социально-экономического развития и отток жителей.

Обратила на себя внимание и проблематизация учеными темы поддержки такого рода городов со стороны государства. К примеру, К. Битти и С. Фотергилл подчеркивают негативное влияние на промышленные городские поселения Великобритании государственной политики, сосредоточенной преимущественно на крупных городах страны, прежде всего, на ее столице — Лондоне. Одновременно в населенных пунктах, связанных с горнодобывающей отраслью, уровень занятости населения поддерживается во многом за счет маятниковой миграции (т.е. данные по зарегистрированной безработице рисуют слишком позитивную картину, не отражающую реальность). В то же время М. Гро-Бальтазар и М. Таландые отмечают, что изменение вектора политики в сторону новой поддержки средних городов во Франции (в 1990–2000-е годы), направляемой на стимулирование инноваций и конкурентоспособности производства, стало причиной активизации развития ряда из них, способствующей в том числе удержанию в них населения (Gros-Balthazard, Talandier, 2020). В случае Романс-сюр-Изера важную роль в этом процессе также сыграло налаживание сотрудничества всех заинтересованных сторон в продуктивном его обновлении.

Количественные и качественные методы исследования отношения к городу и жизненных стратегий горожан

Цель статьи — раскрыть, как проживающие в нестоличных промышленных городах Татарстана относятся к своему городу и к его жителям и каковы в этом контексте их миграционные установки. Она базируется на данных, обладающих количественной и качественной определенностью, что позволяет представить тему наиболее полно и конкретно.

Массовый опрос населения (18 лет и старше), проводился во второй половине 2021 г. в четырех городах региона¹:

1. Набережные Челны (n=400), получившие статус города в 1930 г. и активно разросшиеся в 1970–1980-е годы в связи с возведением и запуском завода «КАМАЗ». Сегодня это крупнейший город², выступающий одним из главных центров автомобилестроения в России. Его профессиональный «костяк» изначально составили инженеры-машиностроители (а также отчасти инженеры-строители, энергетики) и квалифицированные рабочие, приехавшие сюда на комсомольскую стройку. В последнее десятилетие с связи с диверсификацией экономики и созданием на его территории ТЭСЭра в городе активно развивается малый и средний бизнес.

2. Нижнекамск (n=400) — выстроенный вокруг нефтехимического комбината большой город (с 1966 г.), ведущим предприятием которого остается «Нижнекамскнефтехим» (крупнейшая в Европе профильная компания) при растущей роли нефтеперерабатывающей отрасли («Танеко»). В его профессиональной специализации главная роль принадлежит химикам, к которым в последнее десятилетие добавились специалисты в области нефтепереработки и производства других нефтепродуктов. Население Нижнекамска также формировалось из приезжих из разных городов и областей СССР при большой доле жителей близлежащих сельских районов.

3. Альметьевск (n=301) — оформившийся как городское поселение в 1952–1953 гг. в связи с развитием нефтедобычи, в настоящий период большой город, главное предприятие которого — одна из ведущих в стране нефтяных компаний «Татнефть». Исторически поселение сложилось на месте татарского села. Сегодня большинство его работников занято в нефтедобывающей отрасли, причем многие компании малого и среднего бизнеса также выстраиваются вокруг нее.

4. Зеленодольск (n=303) — расположенный в пределах Казанской агломерации (39 км от Казани), также приближающийся по численности к большому город³ (с 1932 г.), ведущие предприятия которого «Зеленодольский завод им. А.М. Горького» и «Завод имени Серго» — POZIS имеют преимущественно оборонную направленность. Возник и развивался

¹ Основные базовые характеристики обследованных городов обобщены в Приложении 1.

² Согласно классификации Г.М. Лаппо (Лаппо 1997: 43).

³ Лица в трудоспособном возрасте в Зеленодольске составили 54,4 %, младше трудоспособного — 18,9 %, старше — 26,7 % (Возрастно-половой состав населения 2021: 26).

на месте рабочего поселка. В период Первой мировой и Великой Отечественной войны население города пополнялось инженерами и рабочими-кораблестроителями, эвакуированными сюда с заводов Петрограда/Ленинграда и из других городов страны.

Для сравнения в статье использованы отдельные данные, полученные в столице республики г. Казани (n=400).

Опрос осуществлялся по телефону. Номера респондентов взяты из источников Россвязи (где в открытом доступе есть данные как по стационарным абонентам, так и по сотовым). При этом база номеров по РТ перемешивалась по определенному алгоритму, после чего осуществлялся обзвон отобранных случайным образом респондентов. Данные репрезентативны и в целом отражают социально-демографические пропорции населения избранных городов по возрасту и полу¹. Анкета, разработанная Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой и Л.В. Сагитовой², содержала блок вопросов, касающихся собственно городской проблематики и формулировавшихся специально под задачи, поставленные в работе.

Результаты опроса конкретизированы и углублены текстами проблемно ориентированных интервью (n=16), проведенных автором в семьях жителей выделенных городов (октябрь-декабрь 2021 г.). Выступая по сути фокусированными групповыми дискуссиями, они строились вокруг видения информантами образа города, городских проблем, акторов и перспектив его развития, идентификации с ним и представлений о собственном месте в нем. Интервью основывались на списках тем, предложенных информантам для обсуждения, и записывались с помощью диктофона³. К затранскрибированным текстам применялся метод трехступенчатого кодирования, разработанный в рамках обоснованной теории (grounded theory).

Сочетание количественных и качественных методов дало возможность, с одной стороны, представить процентное соотношение относящихся к городу позитивно, нейтрально либо негативно, ощущающих или

¹ Половозрастные характеристики опрошенных отражены в Приложении 2.

² Массовый опрос осуществлялся в рамках реализации региональной Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2023–2030 годы», рук. Г.Ф. Габдрахманова.

³ Интервью сопровождалась заметками, в которых фиксировались наблюдения автора, касающиеся развитости инфраструктуры города и городской среды (наличие и степень комфортности парков, скверов, набережных, кафе и ресторанов, торговых центров и спортивных сооружений и т.д.), расположения в нем промышленных и жилых зон, а также самой жизни в городе.

не ощущающих близость с его жителями, а также определить доли горожан, не желающих менять место жительства либо готовых сменить его. С другой стороны, оно помогло понять вкладываемые людьми в локальные идентичности смыслы, а также тонкие и неоднозначные связи между оценками различных сторон жизни города и причинами, по которым одни из них видят здесь перспективы для самореализации себя и детей и стремятся встроить свою деятельность в решение городских проблем, а другие задумываются об отъезде.

Идентификация с горожанами и отношение к городу

Анкетирование открывалось вопросом, позволяющим представить место локальной идентичности в ряду других и степень ее значимости для респондентов. Он звучал так: «С одними людьми мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то о ком вы могли бы сказать: “Это — мы”? В какой степени вы ощущаете близость с...?»¹. Среди предлагаемых для оценки позиций были касающиеся поколенческой, профессиональной, экономической, локальной, региональной, российской и глобальной, политической, этнической и конфессиональной идентичностей. Как и предполагалось, наиболее важным для опрошенных (ответ «в значительной степени») во всех городах оказалось самоотнесение себя к людям того же поколения (от 52,5 до 59,5 % по разным городам) и профессии (от 50,2 до 60,5 %), а также актуализированные в регионе в последние десятилетия идентификации с представителями своей национальности (51,5–57,5 %) и с жителями республики (48,3–57,8 %), с гражданами своей страны (43,5–54,8 %). Отождествление себя с теми, кто проживает в том же городе (от 40,5 до 48,7 % респондентов) оказалось также весомым, в одних случаях превосходя ощущение единства с людьми своей веры, в других — чуть уступая по значимости этой позиции.

Если проанализировать данные по идентичности с жителями города, мы обнаружим несколько отличающиеся показатели по четырем изучаемым городам РТ (табл. 1).

Из таблицы видно, что почти для половины всех опрошенных в Набережных Челнах характерно отождествление себя с проживающими в том же городе «в значительной степени». То есть мы имеем равную по интенсивности столице республики идентификацию населения с его жителями

¹ В данном случае применена видоизмененная формулировка Е.Н. Даниловой и В.А. Ядова, широко использовавшаяся в исследованиях, выполненных под руководством Л.М. Дробяжевой (Дробяжева 2008: 101–102).

Таблица 1

**Значимость идентичности с жителями города, %
Распределение ответов на вопрос «В какой степени вы ощущаете
близость с теми, кто живет в вашем городе?»**

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зелено- дольск
В значительной степени	48,7	40,5	45,2	40,9
В некоторой степени	39,3	40	43,2	44,2
Не ощущаю близости	9,8	15,8	8	10,9
Затрудняюсь ответить	2,2	3,7	3,6	4

(в Казани так ответили 47,5 %). Причем можно предположить, что ее основы в некоторой мере заложены еще энтузиастами-первостроителями Челнов и первыми работниками КАМАЗа, потомками которых (либо самими этими строителями и работниками) являются многие участники исследования. Причем в ходе интервью была замечена особая активность жителей города, способных самоорганизовываться для проведения мероприятий, обсуждения проектов развития городских пространств и т.д. Вместе с теми, кто отметил, что отождествляет себя с челнинцами «в некоторой степени», получаем 88 % респондентов.

Чуть меньшим оказался процент тех, для кого самоотнесение себя с живущими в том же городе важно «в значительной степени», в Альметьевске. В данном случае многое для консолидации горожан делается в последние годы руководством градообразующего предприятия. При сложении с позицией «в некоторой степени», получаем также 88,4 % опрошенных. В Нижнекамске и Зеленодольске вариант «в значительной степени» выделили по две пятых респондентов. В совокупности с ответившими, что они ощущают близость с жителями города «в некоторой степени», это 80,5 % в Нижнекамске и 85,1% в Зеленодольске.

Отметим, что проведенный анализ перекрестных переменных по возрасту респондентов выявил общую для всех изучаемых городов тенденцию — меньшую идентификацию себя с их жителями молодыми людьми в возрасте 18–24 лет. Так, позицию «в значительной степени» в Набережных Челнах выделили среди них на 11,2 % меньше, чем среди всех опрошенных, в Зеленодольске — на 10,9 %, в Альметьевске — на 10,6 % и в Нижнекамске — на 3,4 %. И это как раз та возрастная группа, которая чаще других нацелена на отъезд.

Сравним данные по отождествлению себя с горожанами с ответами на следующий вопрос.

Таблица 2

**Отношение к проживанию в городе, %
Распределение ответов на вопрос «Нравится ли вам жить в том городе,
в котором вы проживаете?»**

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альме- тьевск	Зелено- дольск
Да	68	63,2	63,5	75,6
Скорее да	20	20,3	26,2	13,5
Скорее нет	8	8,7	4	6,3
Нет	3,5	7	5	4
Затрудняюсь ответить	0,5	0,8	1,3	0,6

Указали, что им однозначно нравится жить в городе (ответ «да»), теперь уже три четверти зеленодольцев, несколько меньше челнинцев и еще чуть меньше альметьевцев и нижнекамцев (табл. 2). Высокие показатели по Зеленодольску в данном случае, видимо, обусловлены его территориальной близостью к столице республики. В пользу такого предположения говорят цифры: в Казани ответили «да» на тот же вопрос 78,5 % респондентов. При этом идентификация с жителями Зеленодольска здесь относительно невелика (см. табл. 1). То есть, вероятно, часть проживающих в нем ассоциирует себя с Казанью и казанцами (многие из горожан ездят на работу, учебу и провести свободное время в столичный город республики). В Набережных Челнах высокая степень отождествления с челнинцами совпадает с относительно высокой долей удовлетворенных жизнью в городе. Тем самым этот полумиллионный город сам по себе выступает значимой точкой притяжения¹.

Более полное представление о соотношении факторов привлекательности промышленных городских поселений Татарстана в сравнении между ними и с центральным городом республики дают ответы на вопрос «Если вам нравится жить в вашем городе, то почему?» (табл. 3). Рассмотрим их с привлечением текстов интервью в семьях.

Как видно из приведенных данных, с одной стороны, во всех изучаемых городах имеются общие основания для позитивного их восприятия. Это прежде всего, как и в столице республики, сам факт рождения респондента в городе и проживания в нем родственников, друзей — данный ответ указали чуть менее или более половины опрошенных (от 46,7 до 56,3 %). В связи с этим в ходе интервью звучали такие определения,

¹ Если сложить ответы «да» и «скорее да», мы получим 89,1 % зеленодольцев, 88 % челнинцев, 89,7 % альметьевцев и 83,5 % нижнекамцев (табл. 2).

Таблица 3

**Причины, по которым нравится жить в городе, %
Распределение ответов на вопрос «Если вам нравится жить
в вашем городе, то почему?»***

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижне- камск	Аль- метьевск	Зелено- дольск	Казань
Здесь имеются большие возможности в выборе работы, профессии	12,5	12,3	5,6	1,1	14,2
Есть хорошо оплачиваемая работа	12,5	24,6	15,6	4,4	12,9
Есть возможность для получения качественного образования для меня и моих детей	9,7	6	8,1	4,4	26,3
Здесь низкая стоимость жилья	2,8	2,7	1,5	2,2	1,6
Я здесь родился и вырос, здесь живут мои родственники, друзья	50,3	46,7	56,3	52,6	48,5
Здесь хорошая экологическая ситуация, красивая природа	17,6	8,1	8,5	50,4	11,3
Здесь есть музеи, театры, выставочные залы	6	4,5	5,9	3	21,2
Здесь есть где провести время, заняться спортом, развлечься	11,1	16,5	18,9	11,5	18,8
Здесь налажена система здравоохранения	7,4	4,2	4,1	1,9	8,3
Здесь хорошо работает общественный транспорт, есть связь с другими городами и районами Татарстана, России и зарубежья	13,1	3	7	9,6	16,6
Здесь безопасно, низкий уровень преступности	8,5	10,2	18,1	7	5,9
Здесь спокойно и нет суеты	26,7	29	33	38,9	9,1
Здесь есть возможности для участия в жизни города/села	2,3	4,8	5,6	3	5,4

Окончание табл. 3

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижне- камск	Аль- метьевск	Зелено- дольск	Казань
Здесь имеется доступный интернет и хорошая мобильная связь	7,4	6,3	4,4	3,3	6,2
Здесь есть возможности жить среди представителей моей национальности и общаться на моем родном языке	7,1	9,3	8,1	6,3	11,3
Другое	15,1	12	12,2	8,9	10,2
Затрудняюсь ответить	1,7	1,5	0,7	0,7	0,3

*Предлагалось отметить не более трех вариантов.

как «родной», «любимый», «милый», «домашний». В нестоличных городских поселениях это также признание значимости относительного спокойствия, отсутствия суеты. Такой вариант отметили от четверти (в Челнах) до двух пятых (в Зеленодольске) ответивших. Причем очевидна обратная связь численности городов с процентом указавших такой ответ (в Казани его выделила лишь десятая часть ответивших).

Вместе с тем есть позиции, по которым ответы респондентов изучаемых промышленных поселений не совпадают. Так, в одних случаях среди факторов привлекательности на первый план выходила благополучная экологическая ситуация, красивая природа, прежде всего в Зеленодольске: «У нас же большая очень площадь зеленых насаждений. Промышленный центр находится под горой» (Зеленодольск, № 1, жен., 50 лет). Относительно часто данный вариант указывался и в Набережных Челнах, видимо в сравнении с находящимся рядом городом нефтехимиков (это предположение подтвердили высказывания интервьюируемых).

В Нижнекамске четверть респондентов отметила наличие хорошо оплачиваемой работы, что в целом согласуется с данными обсуждений в семьях. В Альметьевске таких было 15,6 % (интервью показали, что высокие зарплаты характерны в первую очередь для работников «Татнефти»), в Челнах — 12,5 %, в Зеленодольске — только 4,4 %. Показательно, что в двух последних городах информанты жаловались на невысокие зарплаты на градообразующих производствах: «Там маленькая зарплата. У работников рабочей профессии, конечно, очень маленькая» (Набережные Челны, № 2, жен., 60 лет).

Возможность провести время, заняться спортом, развлечься отмечали при ответе на вопрос в первую очередь альметьевцы, а также нижекамцы (причем их ответы оказались близкими к ответам казанцев). И это также не противоречит высказываниям интервьюируемых, поскольку именно в Альметьевске и отчасти в Нижнекамске больше всего говорилось об активной поддержке ведущими компаниями (в тандеме с городскими властями) спорта, о строительстве спортивных сооружений и велодорожек, организации массовых культурных и спортивных праздников: «Очень большой проект по велодорожкам был сделан. <...> Сейчас зимой тоже ездят... Но по весне, когда становится возможно выбирать, люди прямо оптом вылезают» (Альметьевск, № 1, муж., 45 лет); «Котельные модернизировались <...>. Они хотят построить там что-то наподобие парка для катания на досках, на велосипедах, такого плана» (Альметьевск, № 4, муж., 36 лет).

Для понимания того, чего, возможно, не хватает челнинцам, нижекамцам, альметьевцам и зеленодольцам в своих городах, важно выделить отличия, обнаруженные в их ответах с ответами жителей столицы республики (см. табл. 3). В Казани на второе место после «Я здесь родился и вырос» вышла позиция «Есть возможность для получения качественного образования для меня и моих детей» — ее выделила четверть ответивших. На третьем месте оказался вариант «Здесь есть музеи, театры, выставочные залы», который указала пятая доля респондентов-казанцев. Тем самым в данном случае на первый план вышли характеристики, не свойственные или мало свойственные нестоличным промышленным городам и прежде всего фактор представленности учреждений образования и их качества. Вот как размышляет об этом одна из интервьюируемых: «Серьезный аргумент — это обучение. Обучение мальчишек (сыновей интервьюируемой — Г.М.), да. Однозначно здесь обучение мы не видим, потому что Альметьевск — это не тот вариант, который мы бы для детей хотели» (Альметьевск, № 1, жен., 43 года).

Тех, кто ответил, что им не нравится и скорее не нравится жить в городе, было от десятой (в Альметьевске, Зеленодольске, Набережных Челнах) до шестой (в Нижнекамске) доли респондентов. Для них звучал вопрос «Если вам не нравится жить в вашем городе, то почему?»

В силу небольшого числа ответивших на него, мы не можем оперировать здесь процентами. Тем не менее, чтобы понять их мотивацию, выделим наиболее часто встречавшиеся ответы. Так, в Челнах отмечались низкие зарплаты (19 чел. из 46 ответивших), ограниченность возможностей для получения образования (15 чел.) и плохая экологическая ситуация (что в ходе интервью опять-таки объяснялось близостью нефтехимического завода —

15 чел.). В Нижнекамске главным образом плохая экологическая ситуация (24 человека из 27 ответивших) и отсутствие налаженной системы здравоохранения (8 чел.): «Экология, по нашему мнению, все равно хромает. Многие по этой причине, даже вот знакомые, покинули этот город» (Нижнекамск, № 1, жен., 36 лет). В Альметьевске респонденты тоже (хотя ощутимо реже) указывали экологическую ситуацию (11 чел. из 27 ответивших), некоторые из них — небольшие зарплаты (10 чел.; в ходе интервью выяснялось, что это прежде всего работники бюджетной сферы) и недостаточность возможностей для получения качественного образования (7 чел.). В Зеленодольске называлась нехватка выбора места работы (14 чел. из 31 ответившего), низкие зарплаты (13 чел.) и отсутствие возможности получения качественного образования (10 чел.).

Интересными в контексте исследования отношения к городу и жизненных стратегий горожан представляются и результаты опроса, касающиеся акторов городского развития, т.е. тех, кто оказывает влияние на это отношение и эти стратегии. Ответы на вопрос «Кто, по-вашему, вносит наибольший вклад в развитие вашего города?» представлены в таблице 4.

Таблица 4

Оценка вклада различных акторов в развитие города*, %

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск
Руководство Татарстана	36,7	20	20,9	35,6
Руководство вашего города	39,3	33,5	34,6	31,4
Представители органов местного самоуправления	8,3	8,5	5	8,9
Ведущие предприятия города (градообразующие предприятия)	21,5	53,2	65,1	26,7
Представители малого и среднего бизнеса (владельцы магазинов, кафе и т.п.)	9,8	5	3,3	3,6
Работники культуры и образования	6,5	2,8	1	4
Создатели парков, скверов, набережных и т.д.	7,2	7	1	5,9
Городские активисты, руководители общественных организаций	4	3	2,3	3,6
Кто еще?	5	3,5	5	3
Затрудняюсь ответить	13,5	9	4,7	18,2

* Предлагалось отметить не более двух вариантов.

Они демонстрируют отличия в оценке жителями промышленных городов Татарстана роли ведущего предприятия/предприятий. Среди значимых акторов их выделили почти две трети альметьевцев, более половины нижекамцев, чуть более четверти зеленодольцев и более пятой части челнинцев. Несомненно, разница в показателях связана с отраслевой принадлежностью производства, поскольку возможности компаний по нефтедобыче / нефтепереработке и нефтехимии, с одной стороны, и машиностроительных заводов — с другой, сильно разнятся. Тем не менее все они стремятся вкладываться в социальную поддержку населения (прежде всего своих работников, а также некоторых других социальных групп), в строительство отдельных объектов инфраструктуры и проведение городских мероприятий.

В городах, где участие ведущего предприятия в силу названных причин отмечалось реже, чаще обозначался вклад региональных властей (соответствующую позицию выделили более трети респондентов в Челнах и Зеленодольске и по пятой части в Нижнекамске и Альметьевске). Доли указавших муниципальные власти в качестве актора городского развития отличались меньше: от трети в Зеленодольске, Альметьевске и Нижнекамске до двух пятых в Набережных Челнах (в Челнах также оказался выше процент тех, кто отметил участие представителей малого и среднего бизнеса, а также работников культуры и образования в данных процессах).

Остаться в городе или покинуть его? Миграционные установки горожан

Рассмотрим, какими в обозначенных условиях являются установки жителей нестоличных промышленных городов региона на то, чтобы уехать из города / остаться в нем. Иными словами, речь пойдет о «формировании мобильности» части из них как некоего первоначального этапа трехстадийного процесса (согласно выделенной в теоретическом разделе статьи концепции) — возможной предтечи собственно самого перемещения. Обозначим предполагаемые направления миграции и попытаемся понять ее причины.

Как видно из данных таблицы, лишь чуть более или менее половины опрошенных в Челнах, Альметьевске и Нижнекамске ответили, что не хотят менять место проживания в случае появления у них такой возможности (табл. 5). В городе-спутнике Казани таковых оказалось больше, причем вновь обнаруживается схожесть их ответов с данными по столице республики. При анализе распределений по возрасту обнаруживаем, что установки на то, чтобы остаться, характерны, особенно в Зеленодольске, в первую очередь для людей старшего возраста — 50–59 лет, 60 лет

Таблица 5

Миграционные установки, %
Распределение ответов на вопрос «Если бы у вас была возможность, хотели бы вы сменить место жительства?»

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск	Казань
Да, хотел (хотела) бы переехать в другой город/ село Татарстана	10,2	16,8	11,3	5,6	1,3
Да, хотел (хотела) бы переехать в Москву, Санкт-Петербург	5	10,7	6,6	4,6	8,3
Да, хотел (хотела) бы переехать в другой регион России (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	10,7	9,2	13	7,6	4,3
Хотел (хотела) бы уехать за границу (куда именно?)	17,2	14,2	15,9	10,2	17,5
Не хочу менять место жительства	55,2	47	50,5	68,6	67
Затрудняюсь ответить	1,7	2,1	2,7	3,4	1,6

и более. В возрастных категориях 25–34 года и 35–49 лет, составляющих костяк активного работающего населения, таковых 45 и 44 % соответственно в Набережных Челнах, 42 и 61 % — в Зеленодольске, 42 и 40 % — в Альметьевске, 34 и 35 % — в Нижнекамске.

При сравнении этих данных с результатами, приведенными в таблице 2, видим, что тех, кто отвечал однозначно «да» на вопрос «Нравится ли вам жить в том городе, в котором вы проживаете?», больше, чем тех, кто не хочет менять место жительства: в Челнах — на 12,8 %, в Нижнекамске — на 16,2 %, в Альметьевске — на 13 % и в Зеленодольске — на 7 % (тем более больше ответивших, что им нравится и скорее нравится жить в нем).

Обращение к анализу перекрестных зависимостей подтверждает предположение о том, что некоторая доля удовлетворенных жизнью в городе по каким-то причинам все же готова покинуть его. В Набережных Челнах таковых (среди ответивших «да» на вопрос, нравится ли им жить в нем) оказалось в совокупности 31,4 %, в Нижнекамске — 36,8 %, в Альметьевске — 29,1 % и в Зеленодольске — 16,8 %. В то же время среди тех, кому скорее не нравится и не нравится жить в городе, готовых уехать из него

(при благоприятных для этого обстоятельствах) в среднем около девяти десятых респондентов. Тем самым определенная связь между отношением к городу и готовностью жить в нем имеется, но она средняя по значению¹.

Возвращаясь к данным таблицы 5, отметим, что из желаемых направлений миграции на тот период респондентами выделялся прежде всего отъезд за границу: от 10,2 % в Зеленодольске до 17,2 % в Набережных Челнах. В другой город Татарстана (по-видимому, в первую очередь в его столицу) готовы были переехать от 5,6 % в Зеленодольске до 16,8 % в Нижнекамске. Изъявляли желание жить в другом регионе России от 7,6 до 13 % опрошенных по разным городам, в Москве и Санкт-Петербурге — от 4,6 до 10,7 % респондентов.

Отметим, что полученные результаты показывают лишь предположения участников опроса о возможности переезда в случае возникновения благоприятных для этого обстоятельств. На деле, как показывают данные исследований (Иванова 2015: 68), готовы осуществить его немногие. И все же в условиях, когда человеческий капитал выступает важным конкурентным преимуществом городов, а также конкретных предприятий, обозначенные тенденции требуют пристального внимания.

На вопрос, касающийся установок респондентов на то, чтобы их дети жили и работали в городе, мы получили такие ответы.

Таблица 6

**Установки на проживание детей в том же городе, %
(распределение ответов на вопрос «Хотите ли вы, чтобы ваши дети жили и работали в вашем городе?»)**

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск
Да	31	20,5	20,9	23,4
Скорее да	23,5	16,5	22,3	25,7
Скорее нет	21	25,3	21,9	19,5
Нет	18,5	34,5	27,6	23,8
Затрудняюсь ответить	6	3,2	7,3	7,6

¹ Еще в меньшей мере проявляется взаимосвязь ответов респондентов на вопросы о том, ощущают ли они единство с живущими в том же городе и готовы ли они остаться в нем / покинуть его. Среди тех, кто отметил, что ощущает единство с горожанами «в значительной степени», указали, что готовы переехать в другое место 40,4 % в Набережных Челнах, 46,4 % в Нижнекамске, 37,4 % в Альметьевске и 16 % в Зеленодольске. Среди тех, кто не ощущает близости с горожанами, таких было 61,5, 62,1, 65,3, 51,6 % соответственно. То есть все же больше, но незначительно.

В Набережных Челнах оказалось больше всего тех, кто ответил на него «да» (табл. 6). «Да» и «скорее да» указали чуть более половины опрошенных (54,5 %). То есть в данном случае мы имеем такую же долю респондентов, что и тех, кто сам не хочет менять место жительства (см. табл. 5). Варианты «нет» и «скорее нет» выделили две пятых челнинцев. Тем самым большая их часть видит в городе перспективы для своих детей.

В Нижнекамске, отвечая на тот же вопрос, выделила «да» только пятая доля респондентов, «да» и «скорее да» — около двух пятых опрошенных. Тем самым за то, чтобы их дети остались в городе, здесь выступает меньшая часть горожан. «Нет» и «скорее нет» указали три пятых нижнекамцев — и это тревожный симптом, заставляющий задуматься о причинах таких устремлений.

В Альметьевске доля желающих, чтобы дети остались в городе (ответы «да» и «скорее да»), чуть выше (43,2 %). Тех, кто ответил «нет» и «скорее нет» — половина. Данные по Зеленодольску ближе к Челнам. Половина опрошенных (49,1 %) пожелала, чтобы их дети остались в городе, а чуть более двух пятых — чтобы они уехали из него.

В ходе анализа перекрестных переменных мы заметили, что среди тех, кому нравится жить в городе (ответ «да»), указали, что они все же не хотят или скорее не хотят, чтобы их дети остались в нем, от четверти до более двух пятых респондентов: 26,6 % в Набережных Челнах, 45,4 % в Нижнекамске, 36,7 % в Альметьевске и 32,7 % в Зеленодольске. То есть в данном случае противоречие между удовлетворенностью жизнью в городе и стремлением к тому, чтобы дети покинули его, проявляется в целом даже больше, чем обозначенное выше — между отношением к городу и стремлением остаться жить в нем.

Понять полученные данные помогут тексты интервью, в ходе которых информанты объясняли собственные намерения и установки.

Одним из главных удерживающих/выталкивающих население факторов, как и ожидалось, был и остается размер оплаты труда. При этом особое значение по известным причинам имеет уровень зарплат на градообразующем производстве. В ряде из них, прежде всего связанных с нефтедобычей и нефтепереработкой, он, по оценкам интервьюируемых, вполне достойный («У нас в разных сферах разные зарплаты. <...> И вот в принципе, если бы я связал свою жизнь с “Татнефтью”, то это была бы крутая мотивация здесь оставаться» — Альметьевск, № 3, муж., 20 лет), на других — ниже уровня ожиданий: «Особо где ума не надо, ну там, я думаю, тысяч 25, наверное, получают» (Набережные Челны, № 2, муж., 32 года); «Если бы была адекватная зарплата везде, то люди бы не ехали в большие города» (Зеленодольск, № 2, жен., 58 лет).

Ощутимую часть работников, прежде всего молодежь, также привлекают предлагаемые предприятиями льготные кредиты на покупку жилья (вплоть до помощи в выплате первоначального взноса): «Ну учитывая, что мы купили как бы квартиру и сейчас делаем там ремонт, то на ближайшие лет десять, если ничего не изменится в плане прихода “Сибур” в наше предприятие, мы дальше будем жить (в Нижнекамске. — Г.М.)» (Нижнекамск, № 3, муж., 35 лет).

На следующем уровне мотивации, обнаруживается важность возможности выбора профессии, специальности, наличия в городе новых интересных рабочих мест, способствующих самоактуализации:

Программист, пиарщик, люди, которые идут в рекламу, то же самое вот, не знаю, госслужащие, экономика. Где вот это можно здесь реализовать? (Зеленодольск, № 2, жен., 17 лет).

Он бы (муж. — Г.М.) хотел жить конечно в городе побольше. <...> Вот у него в планах все-таки не здесь оставаться, а где работа, там и будем. <...> Он нацелен больше в Казань, Москву, то есть как дальше пойдет. <...> Адекватные думающие люди они там, где работа (Нижнекамск, № 2, жен., 28 лет).

Хотя бы в Казани [жить], а работать в государственном оркестре, наверно. Какие-то проекты делать, создавать ансамбли, писать может произведения для домры. <...> Тут можно просто работать, а как-то развиваться в своем плане, выступать негде (Альметьевск, № 2, жен., 18 лет).

В связи с этим во всех четырех городах также подчеркивалась значимость дальнейшего развития высшего образования. В частности, интересная идея (продвигаемая сегодня руководством КАМАЗа) о перспективах создания в полумиллионном городе машиностроителей общероссийского центра по подготовке инженерных кадров была озвучена в Набережных Челнах — городе, который сегодня называют «городом филиалов» (имеются в виду филиалы казанских вузов). В Альметьевске отмечалась важность дальнейшей реализации проекта кампуса и высшей школы нефти, призванных привлечь специалистов высокого класса и объединить усилия ученых и преподавателей в данной отрасли. В Нижнекамске специализированные кадры готовятся в НХТИ (Нижнекамском химико-технологическом институте). В то же время в изучаемых городах признавалась ограниченность возможностей получения образования, особенно по гума-

нитарным специальностям. А в Зеленодольске в последние годы закрылись даже филиалы высших учебных заведений: «Раньше филиал КФУ был здесь, но потом закрыли, нерентабельно. Поэтому остались только два колледжа» (Зеленодольск, № 3, жен., 49 лет). Вместе с тем информанты указывали, что наличие вузов и их вариативность могли бы простимулировать часть молодежи остаться.

Инт. 1: Часть бы осталась, да.

Инт. 2: Ну, процентов бы тридцать осталось бы.

Инт. 3: Ну какая разница, где ты получаешь высшее образование? Тут тебе надо ехать в Казань, тратить время на дорогу. Снимать там что-то, предположим. Если оно такое же образование, хорошее, с хорошими преподавателями (Зеленодольск, № 4, Инф. 1 — муж., 17 лет, Инф. 2 — муж., 47 лет, Инф. 3 — жен., 40 лет).

Важным для ряда интервьюируемых оказалось также наличие в городе самой образовательной и культурной среды. Причем в одних случаях речь шла о нехватке исторических архитектурных зданий, учреждений культуры и их уровня, насыщенности культурной жизни:

Вот почему еще хочется в Питер?! Не знаю... история города. У нас этого нет. Вот как не развивай, а исторические какие-то вещи — там здания, сооружения, куда хочется сходить, посмотреть, почувствовать... у нас такого нету. Новое да, все замечательно, но вот этого у нас не было и не будет никогда. Это, наверное, театры, театры где звезды (Альметьевск, № 1, жен., 43 г.).

В других случаях отмечалось, что такие учреждения имеются, но они не отвечают духу времени:

Галерея, ну что там? Выставки местных каких-то художников и ну то, что дети рисуют. <...> Ну они там тоже отстают <...>. У них все еще пейзажи фруктов и каких-нибудь домиков, которые уже никому не интересны. Ну, молодежь на такое не пойдет (Зеленодольск, № 2., жен., 17 лет).

В третьих случаях респонденты с сожалением рассуждали об уровне культуры самих горожан:

Мне, как молодой девушке, мне не нравится то, что большая часть населения работает на заводах, потому что завод не развивает

мышление человека. Это работа такая односложная и однообразная, то есть люди иногда превращаются в нелюдей. <...> Это вот основное заводское население (Зеленодольск, № 3, жен., 18 лет).

Необходимо отметить, что некоторых участников исследования из числа молодежи удерживает в городе проживание в нем родственников, прежде всего родителей. Одни, по их собственному признанию, не могут их оставить, поскольку те нуждаются в уходе. Другие в данный момент сами пользуются их поддержкой:

Классно, что родители, дедушки/бабушки — все рядом, потому что помогают с детьми. <...> Вот и получается, единственный фактор, который меня здесь держит — это наличие родителей, бабушек, которые помогают. Потому что у меня маленькие дети (Нижекамск, № 2, жен., 28 лет).

При этом некоторым преимуществом промышленных городов Татарстана (в отличие от многих других регионов страны) выступает благоустройство городских пространств. В ходе интервью информанты отмечали кардинальные изменения, произошедшие здесь в последние годы в связи с реализацией ряда региональных и федеральных программ, а также программ, осуществляемых при поддержке градообразующих предприятий. Они связаны с развитием парков и скверов, набережных и водоохраных зон. Есть программа «Наш двор». В связи с этим назывались «Каскад прудов», парк «Здоровье», «Пляж» и индустриальный сквер со скейт-парком в Альметьевске, Парк им. Г. Тукая, «Семья», «Солнечная поляна» и набережная «Красный ключ» в Нижнекамске, набережная им. Г. Тукая, парки «Гренада» и им. М. Бибишева в Набережных Челнах, парки «Родина», «Березовая роща» и «Авангард» (с набережной городского озера) в Зеленодольске. Такие пространства делают жизнь в городе более комфортной, и горожане ценят это. Тем не менее, отвечая на уточняющий вопрос, может ли это существенно повлиять на решение молодых людей покинуть город либо остаться в нем, информанты нередко признавались: «Ну человек, который хочет уехать, все равно уедет, наверное» (Набережные Челны, № 3, жен., 40 лет).

Размышления ряда молодых людей подтверждали, что они настроены на отъезд в крупные, особенно столичные, города вне зависимости от имеющихся в городе условий:

Даже если бы [в городе, в котором он проживает] появилось еще одно пространство, хорошо, еще бы что-нибудь сделали хорошее. Даже

если бы там зарплата стали повыше, насколько они в принципе ну могут быть повышены. Все равно бы молодежь уезжала. <.../> Мое мнение неизменно. Это естественный процесс, и его ничем не остановить (Зеленодольск, № 4, муж., 17 лет).

Причем далеко не всех манят возможности самореализации, поскольку таковые имеются и в промышленных поселениях: «...если ты работаешь, если у тебя есть желание, голова <...>. То есть, можно подняться по карьерной лестнице» (Нижнекамск, № 1, жен., 36 лет); «Здесь, мне кажется, больше желание жить где-то в другом месте, а не как-то реализоваться <...>. А мне здесь нравится, можно реализоваться и провести время» (Набережные Челны, № 4, жен., 25 лет). На самом деле для ряда молодых людей просто важен сам факт престижности проживания в столичном мегаполисе, а также сконструированные спекулятивные представления о «красивой» и «легкой» жизни в нем: «Они хотят уехать, их больше это привлекает — жизнь больших городов» (Нижнекамск, № 1, жен., 36 лет).

Заключение

В статье происходящие в нестоличных промышленных городах Республики Татарстан социальные процессы представлены в фокусе восприятия горожанами места своего проживания и самоотождествления с городской общностью, с одной стороны, и их устремлений уехать из города / остаться в нем — с другой. Проведенные количественные и качественные исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Массовый опрос обнаружил относительно высокий уровень локальной идентичности жителей промышленных городских поселений Татарстана (позицию «в значительной степени» выбрали при оценке близости с проживающими в том же месте от двух пятых до половины опрошенных, в значительной и в некоторой степени — от четырех пятых до девяти десятых). Опрос также показал, что отношение к своему городу у большинства из них в целом позитивное (от четырех пятых до девяти десятых респондентов отметили, что им нравится или скорее нравится жить в нем). Это позволяет сделать предположение о том, что в изучаемых городах имеются определенные предпосылки к тому, чтобы люди оставались в них жить.

2. При близости оценок и схожести имеющихся в развитии промышленных городов региона плюсов и минусов по ряду параметров полученные в них данные различаются. Это связано со многими факторами, в первую очередь с отраслевой принадлежностью ведущего производства,

в определенной мере задающей уровень благосостояния города и самих горожан (вплоть до последнего времени такие возможности были ощутимо выше у нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих компаний). В то же время данная принадлежность задает и экологическую ситуацию (среди изучаемых поселений наибольшие сложности в этом плане были обнаружены в городе нефтехимиков). Это обусловлено и численностью городского населения (что дает преимущества крупнейшему городу РТ), и возможностями получения в городе качественного образования, и наличием/отсутствием альтернативы трудоустройства, связанной с развитием в изучаемых моногородах новых производств, малого и среднего бизнеса. Данные различия связаны также с историей и нынешним этапом формирования в них культурной среды, со степенью активности местных муниципальных, производственных, креативных и активистских сообществ. Обозначенные особенности находят отражение в ответах участников исследования на вопросы о причинах, почему им город нравится либо не нравится, почему они хотят либо не хотят жить в нем, а также об акторах городского развития.

3. Определенным диссонансом к в целом положительной оценке жизни в изучаемых городах прозвучали ответы части респондентов на вопросы, касающиеся их возможных планов на будущее. Изъявили готовность сменить место жительства при наличии для этого определенных условий от трети до половины опрошенных. В свою очередь, не хотят и скорее не хотят, чтобы их дети оставались в них, от двух пятых до трех пятых участников исследования. Обнаруженные «ножницы» заставляют задуматься о причинах столь сложных и неоднозначных связей отношения к городу, с одной стороны, и намерений уехать/остаться — с другой. Результаты анализа перекрестных переменных, в свою очередь, подтвердили, что, хотя «пересечения» между восприятием жителями пространственной точки и их миграционными планами имеются, их взаимосвязь средняя. Данные проблемно ориентированных интервью в семьях помогли в прояснить причины.

4. Тексты интервью, во-первых, подтвердили значимость экономического фактора в выборе места жительства. На нем сказывается прежде всего предлагаемый городом уровень дохода по тем или иным профессиям, направлениям деятельности, уровень жизни в целом. Во-вторых, немаловажным для молодежи выступает наличие/отсутствие в нем возможностей для получения образования, в частности высшего, разнообразие направлений подготовки и качество учебных заведений. В определенной мере весома и степень комфорта на местах, наличие современной социокультурной среды — направление, в котором город-

ские и даже сельские поселения изучаемого региона активно продвинулись в последние годы. Простой совокупности названных факторов, однако, недостаточно — они лишь создают предварительные условия, для того чтобы люди оставались в городе, поскольку для многих из них имеют значение и возможности самореализации в новых профессиях, сферах деятельности, в составе команд высокопрофессиональных специалистов. Таким образом, удержание в городе населения, особенно интеллектуальной и творческой молодежи, зависит также от осуществления в нем разного рода инновационных проектов и формирования креативных команд, от степени насыщения культурного пространства разного рода событиями. Одновременно для части молодых людей остается приоритетной престижность проживания в столичном мегаполисе и те широкие возможности, которые он дает в плане проведения досуга и потребления.

5. В целом проведенное исследование свидетельствует о том, что о четких и однозначных зависимостях между отношением к городу и миграционными установками жителей нестоличных промышленных городов говорить сложно, поскольку на этих установках (и в еще большей мере на принятии решения об осуществлении миграции) сказывается целый ряд факторов, действующих как выталкивающие либо притягивающие. Многие из них также подвержены постоянным изменениям. Поэтому обозначенный вопрос, так или иначе затрагивавшийся еще в работах советских классиков, в том числе в русле проблематики создания «постоянного населения» и «постоянных кадров» городских поселений (Рыбаковский 2018: 89), остается по-прежнему дискуссионным.

Приложение 1

Базовые характеристики обследованных городов

Город	Численность населения на 2022 г.	Расстояние от столицы региона	Ведущие предприятия
Набережные Челны	528 366 чел.	205 км	«КАМАЗ»
Нижнекамск	240 127 чел.	170 км	«Нижнекамскнефтехим», «Танеко»
Альметьевск	158 280 чел.	224 км	«Татнефть»
Зеленодольск	99 922 чел.	39 км	«Зеленодольский завод им. А.М. Горького», «Завод имени Серго» — POZIS

Приложение 2

Половозрастные характеристики опрошенных (в абсолютных цифрах)

Набережные Челны				Нижнекамск			
Возр. гр.	Пол		Итого	Возр. гр.	Пол		Итого
	Муж.	Жен.			Муж.	Жен.	
18–24	16	16	32	18–24	18	17	35
25–34	41	44	85	25–34	43	40	83
35–49	55	60	115	35–49	59	61	120
50–59	27	36	63	50–59	29	37	66
60+	38	67	105	60+	31	65	96
Итого	177	223	400	Итого	180	220	400

Альметьевск				Зеленодольск			
Возр. гр.	Пол		Итого	Возр. гр.	Пол		Итого
	Муж.	Жен.			Муж.	Жен.	
18–24	14	12	26	18–24	8	12	20
25–34	32	34	66	25–34	31	28	59
35–49	43	46	89	35–49	37	43	80
50–59	22	27	49	50–59	21	30	51
60+	25	46	71	60+	33	60	93
Итого	136	165	301	Итого	130	173	303

Литература

Бабусова Н.Б., Пуховой Н.Н., Сидорина Ю.Н., Шалаев Е.Е. (2016) Проблема миграции молодежи в моногородах (на примере Дальнегорска) и пути ее решения. Лисичкина Н.В. (ред.) *Социально-экономическое развитие моногородов: традиции и инновации. Материалы научно-практической конференции с международным участием. г. Дальнегорск. 26–27 мая 2016 г.* Владивосток: Дальневосточный федеральный университет: 32–43.

Балынская Н.Р., Зиновьева Е.Г., Лимарева Ю. (2017) Экологическая ситуация как фактор привлекательности региона и показатель качества жизни населения. *Вопросы управления*, 5(48): 110–119.

Балюшина Ю.Л. (2020) Современный университет в провинциальном городе: проблемы и перспективы развития. Аванесов С.С., Спешилов Е.И. (ред.) *Визуальная антропология — 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Материалы III Междунар. науч. конф.* Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого: 344–350.

Богданова И.Н., Кадырова Х.Р. (2015) Проблема миграции молодежи моногородов и пути ее решения. *Высшее образование в России*, 5: 161–163.

Витковская Т.Б., Назукина М.В. (2018) Промышленные города Урала: специфика локальной идентичности и политических практик. *Вестник Пермского университета. Политология*, 3: 148–165.

Глазычев В.Л. (2011) *Город без границ*. М.: Территория будущего.

Гужавина Т.А. (2019) Качество жизни в условиях промышленного города. Герасимов В.И. (ред.) *Россия: тенденции и перспективы развития*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН: 629–634.

Давыдов Д.А. (2015) Моногородская идентичность и проблемы «Промышленной ментальности» (на примере г. Магнитогорска). *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 5: 73–79.

Дробижева Л.М. (2008) Гражданская идентичность в Москве и регионах. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 3: 100–106.

Дубинкин Е.П. (2014) Градообразующее предприятие как субъект продвижения территории с моноэкономической структурой. Бритвин А.М. (ред.) *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф.* Екатеринбург: УрФУ: 85–87 [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37638/1/bmisgr_2014_20.pdf] (дата обращения: 12.02.2022).

Евстифеев Р.В. (2020) Конструирование городских идентичностей: цели, механизмы, акторы. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*, 4: 75–89.

Заборова Е.Н. (2021) Развитие рынка труда в малых городах Урала: позиции власти, бизнеса и населения. *Социально-трудовые исследования*, 2(43): 110–118.

Захарова В.И. (2018) Качество жизни горожан как один из критериев оценки социокультурного пространства города. *Общество: социология, психология, педагогика*, 4: 25–27.

Зайцева Е.В., Азоркин Е.А., Алексейчук А.С. (2021) Ученые Екатеринбурга как акторы пропаганды движения за сохранение индустриального наследия. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*, 1(9): 118–124.

Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. (2015) *Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий*. М.: URSS.

Зимица Е.В., Нефедьева Е.И., Попова Е.А. (2020) Социальная деятельность градообразующих предприятий монопрофильных территорий (на примере центра социальных программ РУСАЛа и города Шелехова). *Креативная экономика*, 14 (8): 1625–1644.

Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2019) Развитие больших городов в России в 2000-х годах. *Региональные исследования*, 1(63): 39–51.

Зубаревич Н. (2012) Социальная дифференциация регионов и городов. *Pro et Contra*, 16(4–5): 135–152.

Иванова Е.И. (2015) Социальный вектор миграционной подвижности россиян. *Социологические исследования*, 11: 66–73.

Ильченко И.А. (2010) Качество жизни населения среднего промышленного города: социологические аспекты. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 2: 63–69.

Исследования города (2010). *Антропологический форум*, 12: 7–210 [https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf] (дата обращения: 22.09.2022).

Калимуллина Э.Р., Беляев В.А. (2017) Межпоколенная мобильность из малых городов: реальные мотивы и симулякры. *Вестник экономики, права и социологии*, 4: 229–234.

Куцев Г.Ф. (1982) *Новые города (социологический очерк на материалах Сибири)*. М.: Мысль.

Лаппо Г.М. (1997) *География городов: учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов*. М.: ВЛАДОС.

Лексин В.Н. (2009) Города власти: административные центры России. *Мир России*, 1: 3–33.

Малый В.И., Гусев В.В. (2020) Российские инновационные моногорода: положительный опыт социально-экономического развития. *Вестник Поволжского института управления*, 5(20): 40–48.

Манеева И.В. (2018) Города России: классификация и типология. *Региональная экономика: теория и практика*, 16(7): 1235–1249.

Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2020) Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России.

Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5: 130–153.

Огий О.Г. (2003) *Социальные аспекты воспроизводства трудового потенциала отраслей ресурсного типа на территориях с монопроизводственной специализацией. Автореф. дис. ... канд. соц. наук.* Хабаровск.

Плотникова Е.Б., Маркова Ю.С. (2019) Модернизационные проекты промышленных предприятий как ресурс развития человеческого потенциала территорий. Герсимов В.И. (ред.) *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14.* М.: РАН ИНИОН: 311–314.

Рослякова М.В. (2018) Городские сообщества как объект и важнейший ресурс муниципального управления. *Политика и общество*, 8: 42–55.

Рыбаковский Л.Л. (2018) Предыстория возникновения теории трех стадий миграционного процесса. *Уровень жизни населения регионов России*, 2: 86–94.

Столбов В.П., Литова Э.П. (2009) Социально-культурное пространство промышленного города как объект социологического исследования. *Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета*, 4: 192–200.

Трейвиш А.И. (2009) *Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа.* М.: Новый хронограф.

Угольникова О.Д. (2018) Управление социально-экономическим развитием многогородов. *Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки*, 1: 166–171.

Ушаков В.А. (2009) Современное состояние и перспективы развития российской системы крупных промышленных городов. *Экономика и управление*, 5(98): 37–48.

Шипицына О., Солонина Н., Бугров К., Назукина М., Снитко А. (2021) Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность. *Городские исследования и практики*, 6(1): 125–144.

Beatty C., Fothergill S. (2020) Recovery or stagnation? Britain's older industrial towns since the recession. *Regional Studies*, 9(54): 1238–1249.

Bole D., Kozina J., Tiran J. (2020) The socioeconomic performance of small and mediumsized industrial towns: Slovenian perspectives. *Moravian Geographical Reports*, 1(28): 16–28.

Clark J. (2020) Reframing Deindustrialization. *International Journal of Urban Sciences*, November: 1–7.

Felzensztein Ch., Gimmonb E., Deans K.R. (2018) Coopetition in Regional Clusters: Keep Calm and Expect Unexpected Changes. *Industrial Marketing Management*, 69: 116–124.

Fraser A., Clark A. (2021) Damaged Hardmen: Organized Crime and the Half-life of Deindustrialization. *The British Journal of Sociology*, 72(4): 1062–1076.

Gros-Balthazard M., Talandier M. (2020) Cooperation, proximity, and social innovation: three ingredients for industrial medium-sized towns' renewal? *Urban Science*, 4(2): 1–21.

Hodson P. (2019) Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal. Oxford Academic*, 87: 224–249.

Quark A.A. (2007) From global cities to the lands' end: the relocation of corporate headquarters and the new company towns of rural America. *Qualitative Sociology*, 30(1): 21–40.

Silver J. (2019) Decaying Infrastructures in the Post-industrial City: An Urban Political Ecology of the US Pipeline Crisis. *Environment and Planning E: Nature and Space*, 4(32): 756–777.

Toura V. (2019) Deindustrialization and Urban Shrinkage. Achieving Urban Sustainability in Former Industrial Cities in France: the Case Studies of Nantes and Saint-Ouen. *AESOP*, Jul. [<https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02190090/document>] (дата обращения: 27.10.2022).

Wagner T.E., Obermiller P.J. (2011) A Double-Edged Sword: Social Control in Appalachian Company Towns. In: Brunn S. (eds) *Engineering Earth*. Dordrecht: Springer: 1917–1935.

Источники

Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан: Статистический сборник (2021). Казань: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-п [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/] (дата обращения: 10.03.2023).

Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2022 года. Статистический бюллетень (2022). Казань: Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [<https://tatstat.gks.ru/naselenie/>] (дата обращения: 26.10.2022).

ATTITUDE TO THE CITY AND MIGRATION STRATEGIES OF RESIDENTS OF NON-CAPITAL INDUSTRIAL CITIES OF TATARSTAN

Guzel Makarova (makarova_guzel@mail.ru)

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

Citation: Makarova G. (2023) Otnosheniye k gorodu i migratsionnyye ustanovki zhiteley nestolichnykh promyshlennykh gorodov Tatarstana [Attitude to the city and migration strategies of residents of non-capital industrial cities of Tatarstan]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(2): 197–230 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.2.9>. EDN: QKSTHG

Abstract. The article reveals the attitude of people, who live in the non-capital industrial cities of Tatarstan to their own city, to its inhabitants and their aspirations to stay in the city or leave it. The quantitative survey method revealed a contradiction between the relatively high degree of people's satisfaction with their life in these cities, their commitment to the local community, and readiness of a significant proportion of city dwellers to change their place of residence. The analysis of cross-variables revealed the average interconnectedness of the studied phenomena. Problem-oriented group interviews in families helped to clarify the situation. They showed that departure orientations can be combined with a high appreciation of positive changes in the city, self-identification with it and with the urban community. They also made it possible to reveal a complex set of factors that influence such a choice, starting from economic (higher wages and the level of well-being in general), educational (the presence of higher schools and secondary vocational schools that can provide quality education and a range of opportunities after graduation), and sociocultural incentives (development of the healthcare system, comfort and safety of the urban environment, satisfaction of cultural needs, etc.) and the possibility of self-realization. The study also revealed, that some young people have stereotyped ideas about the benefits of living in metropolitan cities. In this regard, we can conclude that the "retention" of the population in the city, especially intellectual and creative young people, depends, among other things, on the creation and development of an educational cluster of secondary and higher education, the implementation of various innovative projects and the formation of highly professional specialists teams as well as on the degree of saturation of the cultural space of industrial cities with modern creative events involving local cultural producers.

Keywords: non- capital industrial city, attitude to the city, identification with city residents, actors of urban development, migration strategies, Tatarstan.

References

Babusova N.B., Pukhovoj N.N., Sidorina YU.N., Shalaev E.E. (2016) Problema migratsii molodezhi v monogorodakh (na primere Dalnegorska) i puti ee resheniya [The problem of youth migration in single-industry towns (on the example of Dalnegorsk) and ways to solve it]. In: Lisichkina N.V. (ed.) *Cotsialno-ekonomicheskoe razvitiye*

monogorodov: traditsii i innovatsii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. g. Dalnegorsk. 26–27 maya 2016 g. [Socio-economic development of single-industry towns: traditions and innovations. Materials of the scientific-practical conference with international participation. Dalnegorsk. May 26–27, 2016] Vladivostok: Dalnevostochnyi federal'nyi universitet: 32–43 (in Russian).

Balynskaya N.R., Zinoveva E.G., Limareva YU. (2017) Ekologicheskaya situatsiya kak faktor privlekatelnosti regiona i pokazatel kachestva zhizni naseleniya [Ecological situation as a factor of attractiveness of the region and an indicator of the quality of life of the population] *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 5 (48): 110–119 (in Russian).

Balyushina YU.L. (2020) Sovremennyy universitet v provintsialnom gorode: problemy i perspektivy razvitiya [Modern university in a provincial city: problems and prospects of development]. In: Avanesov S.S., Speshilov E.I. (eds) *Vizualnaya antropologiya — 2019. Gorod-universitet: zhiznennoe prostranstvo i vizualnaya sreda. Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. Velikiy* [Visual Anthropology — 2019. City-university: Living space and visual environment. Proceedings of the III International Scientific Conference]. Veliky Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyj universitet imeni Yaroslava Mudrogo: 344–350 (in Russian).

Beatty C., Fothergill S. (2020) Recovery or stagnation? Britain's older industrial towns since the recession. *Regional Studies*, 9(54): 1238–1249.

Bogdanova I.N., Kadyrova KH.R. (2015) Problema migratsii molodezhi monogorodov i puti ee resheniya [The problem of migration of youth of monotowns]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 5: 161–163 (in Russian).

Bole D., Kozina J., Tiran J. (2020) The socioeconomic performance of small and mediumsized industrial towns: Slovenian perspectives. *Moravian Geographical Reports*, 1(28): 16–28.

Clark J. (2020) Reframing Deindustrialization. *International Journal of Urban Sciences*, November: 1–7.

Davydov D.A. (2015) Monogorodskaya identichnost i problemy «Promyshlennoj mentalnosti» (na primere g. Magnitogorska) [Monotown identity and problems of industrial mentality (on example of Magnitogorsk)]. *Vestnik Permskogo federalnogo issledovatel'skogo tsentra* [Bulletin of the Perm Federal Research Center], 5: 73–79 (in Russian).

Drobizheva L.M. (2008) Grazhdanskaya identichnost v Moskve i regionakh [Civic identity in Moscow and regions]. *Vestnik RUDN. seriya Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 3: 100–106 (in Russian).

Dubinkin E.P. (2014) Gradoobrazuyushchee predpriyatie kak sub'ekt prodvizheniya territorii s monoekonomicheskoy strukturoj [A city-forming enterprise as a subject of the promotion of a territory with a mono-economic structure.]. In: Britvin A.M. (ed.) *Branding malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. Materialy Vseros. zaочноj nauch.-prakt. konf.* [Branding of small and medium-sized cities in Russia: experience, problems, and prospects. Materials of All-Russian correspondence scientific-practical conference]. Ekaterinburg: URFU: 85–87 [chrome-extension://efaidnbmnnn1bpcajpgclefindmkaj/https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/37638/1/bmisgr_2014_20.pdf] (accessed: 12.02.2022) (in Russian).

Evstifeev R.V. (2020) Konstruirovanie gorodskikh identichnostej: tseli, mekhanizmy, aktory [Designing city identities: goals, mechanisms, actors]. *Praksema. Problemy vizualnoj semiotiki* [Praxema. Problems of visual semiotics], 4: 75–89 (in Russian).

Felzensztein Ch., Gimmonb E., Deans K.R. (2018) Coopetition in Regional Clusters: Keep Calm and Expect Unexpected Changes. *Industrial Marketing Management*, 69: 116–124.

Fraser A., Clark A. (2021) Damaged Hardmen: Organized Crime and the Half-life of Deindustrialization. *The British Journal of Sociology*, 72(4): 1062–1076.

Glazychev V.L. (2011) *Gorod bez granits* [City without borders]. Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).

Guzhavina T.A. (2019) Kachestvo zhizni v usloviyakh promyshlennogo goroda [Quality of life in an industrial city]. In: Gerasimov V.I. (ed.) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects]. Moscow: Institut nauchnoj informatsii po obshchestvennym naukam RAN: 629–634 (in Russian).

Gros-Balthazard M., Talandier M. (2020) Cooperation, proximity, and social innovation: three ingredients for industrial medium-sized towns' renewal? *Urban Science*, 4 (2): 1–21.

Hodson P. (2019) Titanic struggle: Memory, heritage and shipyard deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal. Oxford Academic*, 87: 224–249.

Ichenko I.A. (2010) Kachestvo zhizni naseleniya srednego promyshlennogo goroda: sotsiologicheskie aspekty [Quality of life of the population of an average industrial city: sociological aspects]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki* [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics], 2: 63–69 (in Russian).

Issledovaniya-goroda–2010 (2010) [Urban Studies]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 12: 7–210 [https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012/12_forum.pdf] (accessed: 22.09.2022) (in Russian).

Ivanova E.I. (2015) Sotsialnyj vektor migratsionnoj podvizhnosti rossiyan [Social vector of migratory mobility of contemporary Russian citizens]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 66–73 (in Russian).

Kalimullina E.R., Belyaev V.A. (2017) Mezhpokolennaya mobilnost iz malykh gorodov: realnye motivy i simulyakry [Intergenerational Mobility from Small Cities: Real Motives and Simulacrums]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Review of economy, the law and sociology], 4: 229–234 (in Russian).

Kucev G.F. (1982) *Novye goroda (sociologicheskij ocherk na materialah Sibiri)* [New cities (a sociological essay on the materials of Siberia)] Moscow: Mysl', 1982 (in Russian).

Lappo G.M. (1997) *Geografiya gorodov: Ucheb. posobie dlya geogr. f-tov vuzov* [Geography of cities: Textbook for geogr. university faculties.]. Moscow: VLADOS (in Russian).

Leksin V.N. (2009) Goroda vlasti: administrativnye tsentry Rossii [Cities of power: administrative centers of Russia]. *Mir Rossii* [World Russia], 1: 3–33 (in Russian).

Malyj V.I., Gusev V.V. (2020) Rossijskie innovatsionnye monogoroda: polozhitelnyj opyt sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Russian Innovation Monotowns: Positive Experience in Socio-Economic Development]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 5(20): 40–48 (in Russian).

Maneeva I.V. (2018) Goroda Rossii: klassifikatsiya i tipologiya [Cities and towns of Russia: Classification and typology]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 16(7): 1235–1249 (in Russian).

Mkrtchyan N.V., Florinskaya YU.F. (2020) Pochemu lyudi uezzhayut iz odnikh regionov i priezzhayut v drugie: motivy mezhregionalnoj migratsii v Rossii [Why some people leave certain regions in favor of others: motives behind interregional migration in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 5: 130–153 (in Russian).

Ogij O.G. (2003) Sotsialnye aspekty vosproizvodstva trudovogo potentsiala otraslej resursnogo tipa na territoriyakh s monoproizvodstvennoj spetsializatsiej. Avtoref. diss.... kandidata sotsiologicheskikh nauk [Social aspects of the reproduction of the labor potential of resource-type industries in territories with single-production specialization. Abstract diss. ... candidate of sociological sciences]. Khabarovsk (in Russian).

Plotnikova E.B., Markova YU.S. (2019) Modernizatsionnye proekty promyshlennykh predpriyatij kak resurs razvitiya chelovecheskogo potentsiala territorij [Modernization projects of industrial enterprises as a resource for the development of the human potential of the territories]. In: Gersimov V.I. (ed.) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik* [Russia: trends and prospects for development: a yearbook]. Iss. 14. Moscow: RAN INION: 311–314 (in Russian).

Roslyakova M.V. (2018) Gorodskie soobshchestva kak ob'ekt i vazhnejshij resurs munitsipalnogo upravleniya [Urban communities as an object and the most important resource of municipal government]. *Politika i obshchestvo* [Politics and society], 8: 42–55 (in Russian).

Rybakovskiy L.L. (2018) Predystoriya vozniknoveniya teorii trekh stadij migracionnogo processa [Background of the Theory of Three Stages of the Migration Process]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standard of the population in the regions of Russia], 2(208). 86–94.

Shipitsyna O., Solonina N., Bugrov K., Nazukina M., Snitko A. (2021) Gornozavodskaya i ravninnofabrichnaya tsivilizatsii Rossii: industrialnoe nasledie i gorodskaya identichnost [Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban studies and practices], 6(1): 125–144 (in Russian).

Silver J. (2019) Decaying Infrastructures in the Post-industrial City: An Urban Political Ecology of the US Pipeline Crisis. *Environment and Planning E: Nature and Space*, 4(32): 756–777.

Stolbov V.P., Litova E.P. (2009) Sotsialno-kulturnoe prostranstvo promyshlennogo goroda kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Socio-cultural space of an industrial city as an object of sociological research]. *Vestnik gumanitarnogo fakulteta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Faculty of Humanities of the Ivanovo State University of Chemistry and Technology], 4: 192–200 (in Russian).

Toura V. (2019) Deindustrialization and Urban Shrinkage. Achieving Urban Sustainability in Former Industrial Cities in France: the Case Studies of Nantes and Saint-Ouen. *AESOP*, Jul. [<https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02190090/document>] (accessed: 27.10.2022).

Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [The City, the Rayon, the Country, and the World: The Development of Russia through the Eyes of an Area Studies Specialist]. Moscow: Novyj khronograf (in Russian).

Ugol'nikova O.D. (2018). Management of socio-economic development of multi-corporods. *Bulletin of the KemSU. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, 1: 166–171.

Quark A.A. (2007) From global cities to the lands' end: the relocation of corporate headquarters and the new company towns of rural America. *Qualitative Sociology*, 30(1): 21–40.

Ushakov V.A. (2009) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijskoj sistemy krupnykh promyshlennykh gorodov [Current Condition and Development Prospects of the Russian System of Large Industrial Cities]. *Ekonomika i upravlenie [Economics and Management]*, 5(98): 37–48 (in Russian).

Vitkovskaya T.B., Nazukina M.V. (2018) Promyshlennyye goroda Urala: spetsifika lokalnoj identichnosti i politicheskikh praktik [Industrial cities of the Urals: specificity of local identity and political practices]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political science]*, 3: 148–165 (in Russian).

Wagner T.E., Obermiller P.J. (2011) A Double-Edged Sword: Social Control in Appalachian Company Towns. In: Brunn S. (ed.) *Engineering Earth*. Dordrecht: Springer, 1917–1935.

Zaborova E.N. (2021) Razvitie rynka truda v malykh gorodakh Urala: pozitsii vlasti, biznesa i naseleniya [Labor market development in towns of the Urals: positions of the government, business and population]. *Social & labour research*, 2(43): 110–118 (in Russian).

Zajtseva E.V., Azorkin E.A., Alekseychuk A.S. (2021) Uchenye Ekaterinburga kak aktory propagandy dvizheniya za sokhranenie industrialnogo naslediya [Scientists of yekaterinburg as actors promoting the movement for the preservation of the industrial heritage]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj Akademii nauk. Istoricheskie nauki [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. historical sciences]*, 1(9): 118–124 (in Russian).

Zakharova V.I. (2018) Kachestvo zhizni gorozhan kak odin iz kriteriev otsenki sotsiokulturnogo prostranstva goroda [The citizens' quality of life as an assessment criterion for social and cultural space of a city]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*, 4: 25–27 (in Russian).

Zamyatina N.YU., Pilyasov A.N. (2015) *Innovatsionnyj poisk v monoprofilnykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan dejstvij* [Innovative search in mono-profile cities: development blockages, new industrial policy and action plan]. Moscow: URSS (in Russian).

Zimina E.V., Nefedeva E.I., Popova E.A. (2020) Sotsialnaya deyatelnost gradobrazuyushchikh predpriyatij monoprofilnykh territorij (na primere tsentra sotsialnykh programm RUSALA i goroda Shelekhova) [Social activity of monotown enterprises (on the example of the center for social programs of RUSAL and Shelekhov town)]. *Kreativnaya ekonomika [Creative economy]*, 14(8): 1625–1644 (in Russian).

Zubarevich N. (2012) Sotsialnaya differentsiatsiya regionov i gorodov [Social differentiation of russian regions and cities]. *Pro et Contra*, 16(4–5): 135–152 (in Russian).

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2019) Razvitie bolshikh gorodov v Rossii v 2000-kh godakh [Development of large cities in Russia in the 2000s]. *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*, 1(63): 39–51 (in Russian).